

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-101-106

УДК 94

Сьюзен БАТЛЕР

Рузвельт и Сталин: встреча в Ялте

Аннотация. Статья посвящена задачам, позициям и роли президента США на Ялтинской конференции трех стран антигитлеровской коалиции в феврале 1945 г. Ф. Рузвельт был своего рода связующим звеном между У. Черчиллем и И. Сталиным, стараясь, как правило, найти точки соприкосновения и сгладить противоречия между советским и британским лидерами. Самое блестящее достижение Ф. Рузвельта в Ялте — то, что он сумел объединить Сталина и Черчилля вокруг идеи создания всемирной организации безопасности до окончательной победы в войне, пока страны-союзницы всё ещё были связаны общими целями и сотрудничеством. В Ялте Рузвельт и Сталин работали как партнёры во имя общего блага двух стран; со смертью Рузвельта 12 апреля 1945 г. это партнёрство закончилось.

Ключевые слова: Ф. Рузвельт, Ялтинская конференция, И. Сталин, У. Черчилль, антигитлеровская коалиция, союзничество, создание ООН.

Во-первых, я хотела бы отдать дань России — стране, разоренной Гитлером, стране, столько выстрадавшей, стране, потерявшей к концу войны 23 млн человек. Во-вторых, я хотела бы отдать дань русским солдатам, благодаря которым убитых немецких военных оказалось в десять раз больше, чем солдат союзников.

Ялтинская конференция была организована в феврале 1945 г. в связи с желанием Рузвельта окончательно сформулировать план по созданию всемирной организации безопасности, способной поддерживать мир в послевоенном мире в течение следующих 50 лет. Ялта стала высшей точкой союзничества трех держав, потому что главный ее участник — Франклин Делано Рузвельт — умер вскоре после нее.

Рузвельт намеренно хотел провести вторую встречу с Иосифом Сталиным и Уинстоном Черчиллем до окончательной победы — пока армии трех стран еще подступали к Берлину, пока у союзников была общая военная цель, пока Россия и Британия зависели от массивных поставок из США по ленд-лизу.

Сталин, не желавший далеко ездить, выбрал местом проведения конференции Ялту, хотя она была разрушена немецкой армией, поскольку в ее просторных дворцах могло

Сведения об авторе: БАТЛЕР Сьюзен (BUTLER Susan) — американский историк, специалист по дипломатической истории Второй мировой войны, автор известных книг о Ф. Рузвельте и И. Сталине.

разместиться бесчисленное число сотрудников, требовавшихся для проведения мероприятия такого рода. Черчилль желчно (и несправедливо) жаловался: «Даже если бы мы 10 лет убили на поиски места для конференции, мы не смогли бы придумать места хуже этого» [Цит. по: Harriman, p. 390].

Начало всемирной организации безопасности было положено предыдущим летом в поместье Думбартон-Окс в Вашингтоне. Приоритетной целью было создание организации, достаточно влиятельной, чтобы удержать Германию от попытки установить мировое господство в третий раз.

Перед проведением конференции Рузвельт удостоверился, что их взгляды со Сталиным совпадают. В конце января 1945 г. он попросил Аверелла Гарримана проинформировать Вячеслава Молотова и посла Ивана Майского о вопросах, которые он намеревался обсудить в Ялте: «...все вопросы, касающиеся будущего Германии, включая ее раздел, и все другие... вопросы, которые остались открытыми после конференции в Думбартон-Оксе. Кроме того, президент хочет поговорить о Польше. Он также хочет обсудить политические и военные аспекты войны на Тихом Океане и в Европе» [Дневник...]. Этот выбор предмета переговоров совпадал с тем, что намеревался обсудить Сталин. «Советское правительство не подготовило никакой повестки и не будет ее предлагать», — ответил В. Молотов.

С другой стороны, Рузвельт намеренно избегал обсуждения повестки конференции с Черчиллем. Во время встречи на Мальте, куда они оба приплыли на корабле прежде, чем вылететь в Саки — ближайший к Ялте аэродром — Рузвельт уворачивался от всех попыток Черчилля поднять этот вопрос даже во время нескольких совместных ужинов. Вполне вероятно, что Рузвельт был более чем обычно раздражен и насторожен по отношению к Черчиллю из-за небрежного замечания британского премьера о Китае, который должен был стать одним из постоянных членов Совета Безопасности и был, по мнению Черчилля, «великой американской иллюзией» [Stettinius...].

Сразу по прибытии в Ливадию Рузвельт отослал Аверелла Гарримана звонить Молотову в Юсуповский дворец для проработки плана встречи со Сталиным. Черчилля и членов его делегации скорее информировали о месте и времени проведения встреч, чем согласовывали с ними эти вопросы.

Позднее будут говорить, что Рузвельт уже тогда чувствовал себя неважно, однако свидетельства современников доказывают ложность этого утверждения. Дочь А. Гарримана журналистка Кетлин Гарриман, которой тогда было около 20 лет, в письме из Ялты сестре рассказывала, что Рузвельт «прост в разговоре, с тонким чувством юмора» и находится «в прекрасной форме» [Цит. по: Harriman, p. 391–392]. Спустя много лет, в 1987 г., когда ее память была уже искажена временем и холодной войной, станут цитировать другие ее слова: «Я пришла в ужас, насколько плохо он выглядел» [Costigliola, p. 324].

В основе отношений Рузвельта и Сталина лежало их общее предположение о том, что Соединенные Штаты предоставят России [СССР] долгосрочный заем. Вопрос состо-

ял не в том, будет ли дан кредит, а в том, на каких условиях он будет предоставлен. Для его рассмотрения госсекретарь США Эдвард Стеттиниус имел на руках данные о советских военных потерях, которые оценивались в 16 млрд долларов — 25% от всего капитала страны, — а также о потерях производственных запасов и личной собственности, которые составляли еще 4 млрд. Стеттиниус заявил Молотову, что готов обсудить этот вопрос в Ялте или позднее — в Москве либо Вашингтоне.

На пленарных заседаниях в Ялте Рузвельт, Сталин и Черчилль прорабатывали детали организации мирового правительства, роль которого заключалась бы в сдерживании государств в пределах их собственных границ. Была назначена дата — 25 апреля, и место — Сан-Франциско, где должны были собраться представители всех стран мира, чтобы наладить этот механизм. Черчилль возражал против назначения конференции по созданию будущей всемирной организации до окончания войны. Его аргументы: «битва будет в самом разгаре...», представители государств будут не в состоянии уделить саммиту должного внимания, некоторые народы все еще будут находиться под германским игом, а представлять их будут правительства в изгнании [Батлер, с. 464].

Но замечания британского премьера были вежливо проигнорированы. Рузвельт, очевидно, чувствовал, что странам антигитлеровской коалиции необходимо сформировать Организацию Объединенных Наций, пока между ними еще сохраняются устойчивые связи. Поэтому он удержал Черчилля от дальнейших возражений, отметив, что предлагает всего лишь созвать учредительную конференцию, а различные варианты рассмотрят министры иностранных дел. Сталин согласился и поддержал Рузвельта, как и все три министра иностранных дел, собравшиеся позже для проработки деталей будущего форума.

Рузвельт был связующим звеном между Черчиллем и Сталиным. Когда случались разногласия, что происходило часто, поскольку обсуждения велись обстоятельно и свободно, Рузвельт как правило старался найти точки соприкосновения и сгладить противоречия.

Участники конференции не смогли договориться о репарациях Германии, и было решено создать комиссию, которая разобралась бы с этим вопросом позднее. Сталин полагал, что общая сумма должна составлять 20 млрд долларов США, половину из которых получит Россия [СССР]. Черчилль возражал против установления конкретной суммы. Компромиссом стало решение передать вопрос на обсуждение создаваемой трехсторонней Межсоюзной комиссии по репарациям, которая должна была работать в Москве. Вместе с тем в директивах для комиссии (в протоколе Ялтинской конференции) говорилось, что она «должна принять во внимание определенную американской и советской сторонами сумму репараций в размере 20 миллиардов долларов, из которых Советский Союз должен получить пятьдесят процентов» [Stettinius, p. 242].

Рузвельт и Сталин решили между собой еще один серьезный вопрос, представив итог Черчиллю в качестве свершившегося факта. Речь шла о детальном соглашении, обговаривавшем в том числе российское вторжение в Манчжурию. Генерал Алексей

Антонов сообщил генералу Джорджу Маршаллу, что через три месяца после капитуляции Германии он завершит переброску советской армии из Германии в Маньчжурию и сможет атаковать охраняющую границу Квантунскую армию. Это помешало бы Квантунской армии напасть на американские войска, высадка которых на японских островах была назначена на 1 ноября. Эта операция имела огромную важность из-за гигантских потерь, которые несли США в Тихом океане в ходе боев со сражавшимися насмерть японцами. На деле Гарриман с Антоновым начали разрабатывать план переброски российской армии и вооружений к маньчжурской границе к октябрю. В обмен на эту грандиозную уступку Рузвельт согласился вернуть Советскому Союзу территории, отнятые у России Японией в войне 1904–1905 гг. Узнав об этом, командующий Атлантическим флотом США адмирал Кинг воскликнул: «Мы только что спасли жизни двум миллионам американцев!» [Meacham, p. 317]. Черчилль был настолько разгневан своим отстранением от обсуждения этой темы, что даже подумывал об отказе от подписания итогового документа. В конце концов он решил, что подпись Британии необходима, чтобы обеспечить ее право потребовать возвращения собственных утраченных территорий: Малайзии, Сингапура и Бирмы.

В Ялте Сталин пошел на важнейшую уступку Рузвельту. Он согласился, что повестка работы Совета Безопасности не будет подлежать праву вето.

Самым трудным для обсуждения вопросом на встрече трех лидеров оказалось будущее Польши. Красная Армия освободила эту страну, и Россия установила там правительство для управления государством. Довоенное польское правительство в изгнании, находившееся в Лондоне, было настроено антироссийски. Сталин же, переживший два немецких вторжения, хотел видеть в Польше страну, способную противостоять Германии и дружественную по отношению к России. Рузвельт и Черчилль, со своей стороны, не признавали сформированное Россией Люблинское правительство. Проблема заключалась в том, чтобы создать временное правительство для управления Польшей, пока польский народ не будет в состоянии провести независимые выборы. Дело сводилось к тому, чтобы найти общий язык по этой проблеме. Итоговое заявление, подписанное Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, предусматривало реорганизацию действующего в Польше правительства с включением демократических деятелей из самой Польши и из кругов польской эмиграции. Новое правительство обязано было «провести свободные выборы, без каких-либо препятствий, в максимально сжатые сроки, на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании» [Батлер, с. 500].

Затем Сталин согласился с подготовленной Государственным департаментом США Декларацией об освобожденной Европе, подтверждающей «право всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить» [Там же, с. 493].

Сталин и Черчилль с трудом ладили друг с другом даже при посредничестве Рузвельта. «Сталин симпатизировал Рузвельту, — отмечал участник Ялты, тогдашний советский посол в США и будущий министр иностранных дел Андрей Громыко, — чего нельзя было сказать о его отношении к премьер-министру Великобритании» [Громыко, p. 109–110]. Черчилль, продолжал он, «и не пытался скрывать свои чувства, их выдавала

даже его сигара. Когда он был напряжен или взволнован, он выкуривал намного больше сигар, то есть их количество было прямо пропорционально степени его напряжения во время беседы. Это заметили все, и за спиной премьера часто звучали насмешки» [ibid]. Самое блестящее достижение Рузвельта в Ялте — то, что он сумел объединить Сталина и Черчилля вокруг идеи создания всемирной организации безопасности до окончательной победы в войне — пока все страны-союзицы все еще были в одной упряжке. Гениальность этой идеи стала еще более очевидной после смерти Рузвельта за две недели до конференции в Сан-Франциско. Конференция состоялась, и каждая из стран заняла свое место во всемирной организации вопреки позиции Черчилля.

Рузвельта тяготил и вопрос о последствиях разработки атомной бомбы. Он рассматривал различные сценарии. Хорошо понимая, что Черчилль будет против, он заявил британскому премьеру, что, по его мнению, пришло время рассказать о еще не испытанной бомбе Сталину на том основании, что «де Голль, если он узнает об этом, непременно поведет двойную игру с Россией» [Churchill to Eden...].

Таким образом он пытался подготовить Черчилля к тому, что, по его убеждению, должно было произойти. Генри Стимсон, Эдвард Стеттиниус, Ванневар Буш и Джеймс Конант, заведовавшие научными разработками в области ядерного оружия, также как большинство советников Черчилля, в том, что Россия получит собственную бомбу в течение четырех лет (что оспаривалось скептиками, утверждавшими, что на разработку бомбы у России уйдет десятилетие), настаивали, что обмен информацией с Россией — единственный способ избежать гонки вооружений.

Рузвельт и Сталин сотрудничали на равных. Сталин отвечал американскому президенту согласием, поскольку его предложения и политика были для СССР весьма выгодны. Начиная с замечания Рузвельта Сталину в 1939 году о бесполезности заключения союза с Германией, заканчивая его просьбой возобновить работу церковью в России в 1943 году, благодаря чему к борьбе с немецким вторжением присоединилось и духовенство, и соглашением о возвращении России утраченных в Русско-японской войне 1905 г. территорий в обмен на ее помощь в войне с Японией — Рузвельт всегда протягивал Сталину руку.

В Ялте Рузвельт и Сталин работали как партнеры во имя общего блага двух стран. Со смертью Рузвельта 12 апреля 1945 г. это партнерство закончилось.

Литература

Батлер С. Сталин и Рузвельт: великое партнерство. М. 2017.

Громыко А.А. Памятное. М. 1988.

Дневник Молотова В.М. Прием посла США Гарримана 20 января 1945 года // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 7а. П. 57. Дело 2 (Крымская конференция 1945 года), 10–11.

Churchill to Eden, minute, March 25, 1945 // Sherwin M. J. A World Destroyed: Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y. 1987.

Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton. N.J. 2012.

Gromyko A. Memories: From Stalin to Gorbachev. London. 1989.

Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. New York. 1975.

Meacham J. Franklin and Winston: An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N.Y. 2003.

Stettinius E.R. The Diaries of Edward R. Stettinius Jr., 1943–1946. N.Y. 1975.

Stettinius to Walter Johnson, Feb. 2, 1945, Stettinius Papers.

Перевод с английского Дарьи Карпухиной.